

6. Седин, А.А. Никодимовское городище раннего средневековья в восточной Белоруссии / А.А. Седин // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — М., 1997. — Т. 3. — С. 279—289.
7. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. — Мінск: Ін-т гісторыі НАНБ, 2006. — 150 с., іл.
8. Шадыра, В.І. Новая дадзеныя з раскопак гарадзішча Клішына Крупскага раёна / В.І. Шадыра // Гістарычна-археалагічны зборнік. — Мінск, 2004. — № 19. — С. 290—291;
9. Шадыра, В.І. Таямніцы возера Селява / В.І. Шадыра // Беларускі гістарычны часопіс. — Мінск, 2006. — № 2. — С. 42—46.
10. Шмидт, Е.А. О культуре городищ-убежиц левобережной Смоленщины / Е.А. Шмидт // МИА. — № 176. — 1970.
11. Шмидт, Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н.э. Тушемлинская культура / Е.А. Шмидт. — Смоленск, 2003. — 296 с.
12. Sehak-Holubowiczowa H. Smentarzysko kurhanowe z VI i VII w. w miejsc. Karmazyny kolo miasta Troki w Litewskiej SRR / H. Sehak-Holubowiczowa // WA. — Т. XXII. — З. 3—4. — С. 312—331.

НЕМЕЦКИЙ ЭТНОС В БЕЛАРУСИ В XIV — 30-Х ГГ. XX ВВ.

В.В. Тугай
г. Минск, БГПУ

Немецкая миграция в страны Восточной Европы имеет давнюю историю и глубокие корни. Немцы проживают в Беларуси более 700 лет. Первые немецкие поселенцы появились в Великом Княжестве Литовском в начале XIV в., когда великий князь Гедемин пригласил в страну доминиканских и францисканских монахов, которые основали в Вильне и Новогрудке две католические церкви. Гедемин направил многочисленные письма в ганзейские города от Любека до Ростка, чтобы пригласить в его развивающееся княжество священнослужителей, дворянство, торговцев, ремесленников, крестьян и воинов. Как много немцев последовало тогда его призыву установить сегодня не представляется возможным, однако это явилось началом процесса, который не останавливался вплоть до XX в. В Полоцке, Тракае, Вильне появляются немецкие торговые дворы, точно такие, как и в других городах ВКЛ. Формирование немецких торговых дворов продолжалось в ВКЛ до XVI в. [1, с. 135].

Заметный след в архитектуре Витебска и Полоцка оставили лифляндские немцы, которым разрешалось приезжать в эти города для возведения церквей и крепостных сооружений. Кроме того существовала Полоцкая фактория немцев, которая пользовалась особым (немецким) правом. Точную численность лифляндских немцев установить не представляется возможным, поскольку наблюдалась текучесть кадров строителей в результате пограничных конфликтов и войн в регионе. Однако, отдельные исследователи полагают, что в этих городах в отдельные периоды могло находиться до 10—15 тыс. немцев [2, с. 154].

Немцы поселялись периодически в отдельных регионах ВКЛ, но были отнесены к «коренной» части населения довольно поздно, хотя Магдебургское право определяло конституционное развитие страны вплоть до XVIII в. Белорусские города: Брест (с 1390 г.), Гродно (с 1391 г.), Слуцк (с 1441 г.), Полоцк (с 1498 г.), Минск (с 1499 г.), Новогрудок (с 1511 г.) получили Магдебургское право, однако их развитие как и других аграрно образованных городов, с притоком немецких переселенцев протекало медленно, неустойчиво в отличие от западных земель.

Менее компактные немецкие поселения, которые можно отнести к польско-немецкому округу, достигли западных периферий белорусской территории еще в XII в. В 1563 г. большая группа немецких крестьян поселилась у Буга и образовала деревни Нойдорф и Нойбрун, куда последовали позже многочисленные переселенцы. Так, на территории Брестского воеводства возник церковный приход Нойдорф-Нойбау, благодаря которому немецкие крестьяне в полной изоляции от своей исторической родины поддерживали связь с немецкой культурой [1, с. 136]. Судьба этих переселенцев была не простой. Тем не менее, эти поселения развивались и к концу XVIII в. распространились до Пиаски и Кобрина. Поселение Нойдорф-Нойбау достигло огромных размеров и к нему было присоединено много дочерних филиалов-поселений в Волыни [1, с. 136].

В конце XVIII в. эти поселения обрели новую жизнь и новое название. Около 1790 г. новые потоки крестьянских переселенцев из Центральной Польши и Западной Пруссии достигли этого региона и основали в 1796 г. округ Белосток. Несмотря на то, что в результате разделов Речи Посполитой эта территория должна была отойти к России, весь округ с окрестностями перешел под русское господство как часть «Новой Восточной Пруссии». И только с 1807 г. эта территория была отдана под протекторат России в качестве территории Гродненской губернии [1].

Необходимо отметить, что еще во времена правления Екатерины II Россия предпринимала усилия, чтобы укрепить российскую государственность в приграничных районах и освоить природные богатства. Екатерина принимает решение о колонизации края. Но о заселении этих отдаленных районов русскими нельзя было и думать — крестьяне находились в крепостной зависимости от помещиков, которые никогда не согласились бы отпустить своих рабов на волю. Екатерина делает ставку на иностранцев 4 декабря 1762 г. она издает Манифест, приглашавший граждан европейских стран пожаловать в степенные владения Российской империи. Однако документ не возымел действия, т.к. в нем не оговаривалось, на каких условиях предлагается переселение, и 22 июля 1763 г. Екатерина издает новый Манифест, в котором перечислялись привилегии и льготы: свободный выбор места поселения, свобода вероисповедания, самоуправление, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей.

Льготные условия переселения вызвали интенсивную колонизацию южных окраин России. В 1764—1770 гг. — всего за 6 лет — создается 117 немецких колоний, в том числе: в Саратовской губернии — 46, Самарской — 56 и т.д. В Россию прибывали преимущественно немцы из Пруссии, что объяснялось тяжелым нищие солдаты, безработные ремесленники, безземельные крестьяне.

Царское правительство щедро субсидировало колонистов и в 1800—1850 гг. было основано еще 218 поселений. Через 100 лет после обнародования Манифеста Екатерины в России насчитывалось 4505 иностранных колоний, в подавляющем большинстве населенных немцами; к 1908 г. насчитывалось 2 млн. 70 тысяч граждан немецкой национальности, в том числе: в Саратовской губернии — 206 тыс. (6,9% всего населения); в Самарской — 181 тыс. (8,2% всего населения) и т.д.

Немцы проживали преимущественно в сельской местности, занимались сельскохозяйственным трудом. Широкое применение капиталистических методов хозяйствования привело к созданию крупных помещичьих хозяйств, и немцы-землеладельцы заняли ведущее место в экономике России.

По Манифесту Екатерины II немцы могли расселяться в Лифляндской и Эстляндской губерниях [3, с. 17], столичных городах, Черниговской губернии (Беловежская колония) и т.д. [3, с. 22]. Следует также отметить, что в результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., большая часть Латвии (Инфлянты), населенная латышами, поляками, белорусами, русскими и немцами, отошла к России и впоследствии стала частью Витебской губернии. Однако, точных сведений о численности немецкого населения в крае нет, т.к. большая часть немецких баронов была добровольно ополячена.

Новая волна по колонизации запада и, особенно, юга России началась после войны 1812 г. при императоре Александре I с целью заселения и возделывания разоренных длительными войнами и обезлюдевших территорий. Каждому немецкому хозяйству были отведены значительные земельные угодья (до 60 га), предоставлен сельскохозяйственный инвентарь, даны всевозможные льготы для интенсивной обработки земли [4, с. 7].

Первыми были переселены 1443 семейства из Варшавского герцогства, затем из Бадена, Баварии, Пфальца, Гессена, Южной Германии, Вюртемберга и Швейцарии. В 1814—1817 гг. Было образовано 12 колоний, в 1821—1839 гг. — 12, в 1840—1889 гг. — 32. В 1912 г. колонизация прекратилась [5, с. 87]. Однако наблюдалось такое явление как массовое переселение немецких колонистов внутри империи и, в частности, в белорусские земли.

Массовое переселение немецких колонистов на белорусские земли началось во второй половине XIX в. и продолжалось вплоть до первой мировой войны. В это время отмечаются три массовые переселенческие волны на южные земли Беларуси. Немецкие колонисты переселялись из Волыни, где к концу XIX в. проживала подавляющая часть немецкого населения региона (в 1897 г. — 171,3 тыс. человек, или 5,7%) жителей [6, с. 17]. Фактически же число немцев на территории губернии было большим, т.к. основная их масса не желала принимать российское подданство и проживала на положении иностранцев, которые весьма неполно регистрировались статистикой. В 60—90-е гг. XIX в. приток немцев на Волынь резко увеличился. В 1801—1871 гг. сюда прибыло 5982 семьи немецких колонистов [7, с. 18].

Первые колонии немецких переселенцев в начале XIX в. носили название тех мест, где российские войска одержали победу над Наполеоном: Тарутино, Красный (Красна), Малоярославец 1, Кульм; позднее образовались Старый Аренз, Бородино, Березина, Клястиц, Лейциг, Кацбах и др. [8, с. 144]. Позднее они получали такие названия: Анзельмовка (по имени латыша-банкира, который на льготных условиях продавал землю немцам в Беларуси), имени Розы Люксембург, Березовка, Осиповка, Клесин, Майдан и др.

К концу XIX в. в белорусских губерниях: Вильно, Гродно, Ковно, Минск, Витебск и Могилев проживало более 50 тыс. немцев [10, с. 28]. По переписи 1897 г. их насчитывалось в Беларуси 49073 чел, или 0,49% общего населения [11, с. 136]. И хотя в силу отмеченных ниже причин точной статистики немецких колонистов в Беларуси в XIX в. не существует, с полной уверенностью можно

сказать, что в Гродненской губернии проживало более 10 тыс. чел., в Витебской более 7 тыс. чел. примерно столько же в остальных белорусских губерниях [11].

В конце XIX—начале XX вв. наблюдается новая волна немецкой колонизации белорусского Полесья. Изгнанные помещиками с Волыни, в поисках земли, они с помощью банка латыша Анзельмова приобретают земельные наделы в полесской глубинке. Не все немецкие колонисты могли сразу купить земельные наделы, многие из них становились арендаторами у белорусских помещиков. В 1909 г. немецкие колонисты приобрели небольшое количество земли с крайне неплодородной почвой в Мозырском округе (ныне Наровлянский, Ельский и Лельчицкий районы Гомельской области) и в южных районах нынешней Брестской области [9]. Отдельные населенные пункты проживания немецких колонистов стихийно возникали и также стихийно исчезали. Белорусским помещикам невыгодно было показывать немецких переселенцев властям, они безжалостно их эксплуатировали, ужесточая условия контрактов. Несмотря на все трудности проживания в полесской глубинке, немецкие хозяйства набирали силу, а немецкие поселения обретали вид образцовых населенных пунктов.

Немецкие переселенцы в XIX в. были заняты преимущественно в аграрном секторе в качестве арендаторов, управляющих, в ремесленной деятельности и торговле, в обрабатывающих промыслах и в области обслуживания. Практически всеми парковыми ассамблеями и ярмарками белорусских экономий известных помещиков Радзивиллов, Паскевича, Горваттов, Хмары и др. в свое время управляли садовники, выписанные из Пруссии [12, лл. 20, 30—31]. Вместе с тем существовала и узкая прослойка городских жителей, чьи магазины и предприятия обслуживало, как правило, еврейское, русское и белорусское население.

В XIX в. в Беларуси существовали евангелистско-лютеранские округа, которые можно было найти в городах от Брест-Литовска до Могилева. Эти округа относились к курляндскому консисториальному району с резиденцией в Митаве и составляли общественный центр немецкого населения Беларуси.

Немецкие колонии в Беларуси в XIX в. сыграли немалую роль в развитии интенсивного сельского хозяйства, ремесленничества, торговли и обрабатывающей промышленности. Поселившись на бедных землях Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерний, немцы-колонисты старательным и рациональным трудом, кустарничеством и торговлей поднялись до процветающего экономического положения, которому с полным на то основанием завидовали, и которого жаждали остальные жители. Будучи элементом серьезного и рационального труда, мира и порядка, эти колонисты сумели по-настоящему цивилизовать края и территории, в которых они поселились. Их процветающие хозяйства, чистые, аккуратные, являются веским доказательством их неустанного труда и экономической организации.

Немецкие колонисты в России пользовались определенными финансовыми и правовыми привилегиями, что делало их лояльными к российской администрации. Однако с началом первой мировой войны царское правительство делает резкий крен — принимает решение уравнять немецко-колонистов с русским (белорусским) населением. В Беларуси закрываются немецкие культурно-хозяйственные организации, конторы опекунов, банки, вводится воинская повинность [3, с. 8].

Пышным цветом расцветает великодержавно-шовинистическое отношение к российским немцам. В условиях войны с Германией правительство принимает законы, по которым ограничивалось немецкое землевладение [3, с. 8].

Законодательные акты еще более разожгли антинемецкую истерию: в прессе публиковались призывы развернуть борьбу с «внутренними немцами», которые «изнутри завоевали Россию», в Государственной Думе кликушествовали черносотенцы, по югу и западу России прокатилась волна погромов. Под давлением общественности был подготовлен царский указ о депортации немцев в Сибирь.

Начало Первой мировой войны и ее последствия принесли многочисленные изменения для немецкого населения, проживающего в Беларуси. Часть немцев, чтобы избежать обвинений в коллаборационизме с продвижением на восток немецких армий, переехала вглубь российского государства. Другая часть была в 24-часовой срок насильственно выселена из прифронтовой полосы, а их хозяйства разорены [6, с. 17]. В результате насильственного выселения из прифронтовой полосы, увеличилась численность немецкого населения в Минской губернии (современные районы юга Гомельской, а также Брестской областей).

Белостокские или наревские немцы остались нетронутыми, т.к. российские чиновники ошибочно считали их голландцами. В годы войны в этом районе проживало более 11 тыс. немецкого населения [11, с. 138]. В целом, в период с 1897 по 1917 гг., численность немецкого населения в белорусско-литовском регионе уменьшилась с 50,8 тыс. до 36,1 тыс. человек [10, с. 28]. Исчез ряд немецких поселений, таких как деревня Каменное (нынешний Столинский район Брестской области), расположенная на живописном берегу реки Льва и насчитывающая 80 домов [6, с. 18].

После Октябрьской революции 1917 г. в истории российских немцев наступает новый период. В марте 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР направляет в Саратов Карла Петина и Эрнста Рейтера; вместе с Шауфлером, Дитцем, Ледерером, Клинггером, Дингессом они создали Комиссариат по немецким делам; в апреле 1918 г. был проведен I съезд Советов немецких колоний, провозглашена Трудовая коммуна немцев Поволжья. Создание в 1924 г. национальной государственности для немцев Поволжья было лишь частью решения немецкого национального вопроса в СССР.

Помимо Нижне-Волжского края немцы проживали большими компактными группами и дисперсно в многочисленных городах СССР, в том числе и в Беларуси. Для них обретение какой бы то ни было формы национальной государственности имело первостепенное значение и находилось в русле той национальной политики, которую в 20-е — начале 30-х гг. проводило правительство СССР.

В результате Рижского мира, подписанного в марте 1921 г. Россией и Германией, а также другими странами, огромная территория советской страны (западная часть Беларуси и Украины), отошла к Польше. Белорусские территории вошли в состав четырех воеводств: Вильно, Новогрудок, Полесья и Белосток. К Польше отошла и так называемая «Наревская область», населенная более чем 11-ю тысячами немцев протестантского вероисповедания. Немецкие населенные пункты располагались в треугольнике Ломеза—Бельск—Гродно с наиболее густо населенным воеводством Белосток [11, с. 138]. Постепенно немецкие названия населенных пунктов заменяются на польские. В 1928 г. Нойдорф был переименован в Мاستицк по случаю посещения его польским президентом Мاستицким [11].

В начале 20-х годов в БССР проживало более 7 тысяч немцев [13, л. 320]. В это время в Беларуси было создано 32 национальных сельских совета, в том числе 2 немецких и один украинско-немецких. В Наровлянском районе был образован Березовский национальный (немецкий) сельский совет, на территории которого проживало 1762 человека немецкой национальности. В соседнем Каролинском районе немцы компактно проживали в колонии имени Розы Люксембург, на базе которой также был создан немецкий совет. В Лельчицком районе Гомельской области в 20-х годах 20-го в насчитывалось в трех деревнях 33 немецких хозяйства. В названных колониях имелось 451 немецкое хозяйство с количеством населения 3770 человек [9, лл. 18-24]. В 1926 г. численность населения Наровлянского района распределялась следующим образом: белорусов — 71,3 %, поляков — 9,4 %, украинцев, латышей, чехов — 7,7 %, немцев — 6,4 % (2283) [14]. В числе первых председателей советов Наровлянского района часто встречаются немецкие фамилии. Так, первым председателем Осиповского сельского совета был Битнер Август, секретарем — Райзер Альберт; Березовского сельского совета — Гоффман Адольф; Майдановского сельского совета — Кренц Юлиус, секретарем — Рельски Адольф и др. [14].

Беспристрастные документы тех лет рассказывают, в каких тяжелых условиях находились немецкие колонисты.

Березовский немецкий сельсовет объединял 5 колоний, которые размещались в радиусе 5-15 км и насчитывали 325 дворов. Общая площадь земли составляла 3191 десятина. Обеспеченность крестьян землей была в среднем по 4 десятины на одно хозяйство, в том числе включая сеносок. Крестьяне вели свое хозяйство по хуторской системе с использованием 3-польного севооборота. Хозяйства велись культурно, с применением сельскохозяйственных машин. Занимались колонисты в основном молочным животноводством. Посевы были очень незначительны. Сеяли рожь, овес, гречиху и горох. Поля сильно заливались водой, местная мелиорация не помогала. Документы отмечают, что в сельсовете было очень развито травосеяние и разведение корнеплодов. В 22 хозяйствах выращивались клевер, вики и другие культуры.

Газеты тех лет пестрят цифрами и сводками о высоких надоях в немецких хозяйствах. В среднем ежесуточные надои составляли 18 литров на одну корову. Преобладала немецко-колонистская порода молочного скота. Неоднократно на базе немецких хозяйств проводились сельскохозяйственные выставки. Так, в колонии Клесин Березовского сельсовета ежегодно проводились выставки приплода молодняка [14]. На высоком уровне в немецких хозяйствах находилось и коноводство. Отмечалось, что в Березовском сельсовете встречалась в основном чистокровная порода метисов. В сельском совете насчитывалось 6 молотилок, 26 соломопороков, 273 пароконных плуга, 200 железных телег. По обеспечению скотом сельсовет находился в следующем положении: лошадей имелось 247, волов — 2, дойных коров — 683, мелкого рогатого скота — 52, овец — 882.

Из промышленных предприятий в сельсовете функционировало 2 паровые и 3 ветряные мельницы, завод по выделке кож, 3 маслобойни, 7 кузниц. Немецкие колонисты кроме сельского хозяйства занимались обработкой дерева, шитьем и другими видами деятельности.

Документы тех лет особо подчеркивают, что большое внимание со стороны властей уделяется строительству национальных школ. В постановлении Наровлянского райисполкома Мозырского округа от 15 сентября 1924 г. выражалась просьба к Мозырскому окрисполкому срочно выселить из

бывшего имени Клесин помещика Носенко, а дом закрепить под национальную немецкую школу и канцелярию совета [15].

Несмотря на огромные трудности, в 1936 г. в Наровлянском районе насчитывалось 77 школ, из которых 4 – украинские, 4 – немецкие, 1 – еврейская, 3 – польские, 1 чешская и другие. В Каролинском районе также работали 3 немецкие школы. Только на строительство Березовской средней школы государство выделило 100 тыс.рублей [16]. Большим уважением у родителей пользовалась чешская начальная школа, Хатковская немецкая, Хатковская украинская, Кустанницкая польская и другие школы. Письменность взрослого населения немецких колонистов составляла у мужчин – 80 %, у женщин – 30 %. Знание белорусского и русского языков было очень слабым. Все же немецкие школы обслуживали до 50 % детей школьного возраста. Тех, кто умел читать и писать только по-немецки, власти объявляли неграмотными. Учителями школы были обеспечены плохо. Как правило, учителями являлись бывшие церковные служащие. Из Ленинградского политехникума прибыли молодые учителя Керн и Шехтель, однако, крестьяне-немцы отказались продавать им продукты. Сельский совет выписывал 41 газету, из них 14 на немецком языке. Организации культурно-массовой работы в немецких колониях мешала хуторская система расселения. Все колонии белорусских немцев размещались в радиусе 8-9 верст. Вместе с тем документы подчеркивают особую религиозность немецких колонистов. Каждую неделю все от мала до велика посещали церковь. У немцев были широко разветвленные связи с Германией, Америкой со многими регионами Советского Союза. В начале 20-х среди немцев были также представители баптистов, христиан-евангелистов, и, особенно, адвентистов седьмого дня [13].

В конце 20-х годов в республике предпринимаются попытки создания немецких колхозов. В 1930 г. был организован на базе Березовского сельского совета колхоз «Искра».

Докладные и информация органов ОГПУ Беларуси начала 30-х годов говорят о том, что немецкие колонисты очень точно, с особой педантичностью выполняли постановления властей по хозяйственным вопросам, сельскохозяйственной кооперации. Из документов следует, что образование колхозов в немецких колониях происходило насильственным путем. Немцы, не видя результатов своего труда, отказывались в них вступать. Многие стали поговаривать о возвращении в Германию. Докладные ОГПУ говорят о расширении эмиграционных настроений среди немецких колонистов. В немецкое посольство в Москве был направлен демобилизованный крестьянин с тем, чтобы получить разрешение для выезда всей колонии из СССР [17]. Однако получить заграничный советский паспорт оказалось делом не простым. Тем не менее, настроения покинуть родину, которую глубоко усвоились. Немцы-колонисты вместе с другими наименьшими уезжали в Сибирь, в Крым, на Украину, Кавказ. Так, только в 1928 г. по разнарядке в Сибирь переселилось 7 семей в количестве 40 человек только из Наровлянского района [18].

Несмотря на отчужденность немецких колонистов, их непонимание и безразличное отношение к мероприятиям правительства, комиссия по осуществлению национальной политики все же пыталась помочь им в ликвидации неграмотности, изучении белорусского языка, сглаживании конфликтов на национальной и религиозной почве.

Таким образом, в конце 20-х годов в БССР проживало около 10 тыс. немцев [2]. Как уже отмечалось, немцы проживали компактными группами на Гомельщине (более 5 тыс. человек) Витебщине и Могилевщине.

В начале 30-х годов в Беларусь переселилась большая группа немцев из Автономной республики немцев Поволжья. Немецкие исследователи называют цифру 15 тыс. человек [2, с. 263] и указывают, что немцы бежали с Поволжья от коллективизации и тех волн выселки, которые достигли автономную республику [1, с. 17]. Документы говорят о том, что немцы-переселенцы селились вокруг Минска в рабочих пригородах и были в своем большинстве рабочими фабрик. Отдельные немецкие семьи проживали в городе и их главы являлись служащими, учителями, врачами [2, с. 263-264]. В истории переселения этой немецкой этнической группы много неясного. Во-первых, в годы массовой коллективизации в СССР никто не мог покинуть места проживания без разрешения официальных властей. Каждое хозяйство, инвентарь, скот были на строгом учете. Вероятно всего, была какая-то партийная директива, которая принуждала немцев переселиться из далекого Поволжья в Беларусь. Утверждение исследователей Фляйшхауэр, Пинкус, Рудольфа А. Марка о том, что поволжские немцы бежали от коллективизации не убедительны.

В национальном архиве РБ сохранились документы, которые говорят об обратном. Документ Бюро ЦК КПБ утверждают, что для «усиления» коллективизации в БССР из Поволжья перебрасывается большая группа крестьян [19]. Подчеркивается, что ... «надаючы вялізарнае палітычнае значэнне перакідцы калгаснікаў з перадавых абласцей СССР на дапамогу калгасам прымежнай паласы – прапанаваць райкомам, калгасцэнтрам разгарнуць шырокую работу на месцах іх падрыхтоўцы умоу для прыязджаючых...» [19, лл.857-858]. В постановлении бюро отмечалось, что все поволжские переселенцы должны быть обеспечены квартирами и материальной помощью в

размере 50-ти рублей. Все переселенцы прибывали в Минск, а затем их распределяли по хозяйствам республики. В первой партии переселенцев прибыло 350 человек. Их распределили следующим образом:

Льно-молочные районы	
Район	Должно быть направлено человек
Освейский	13
Ушачский	26
Дрисинский	25
Лепельский	23
Полоцкий	26
Рассонский	7
Картофельно-животноводческие районы	
Бегомельский	22
Узденский	14
Заславльский	10
Койдановский	25
Копылевский	30
Логойский	19
Плещеницкий	17
Слуцкий	14
Кр. слободский	10
Животноводческо-коноплевые районы	
Житковичский	12
Лельчицкий	12
Любанский	4
Старобинский	15
Туровский	8
Садово-огородно-молочный район	
Минский	8

Документ подписал секретарь ЦК КП(б)Б Шарангович [19, л.858].

Однако спустя некоторое время 83 немецких переселенца покинули БССР. Основной причиной их отъезда были крайне плохие условия проживания и организации труда [19, д.101, л.102]. Бюро ЦК КП(б)Б принимает по этому поводу постановление, в котором обязует партийные и хозяйственные органы на местах создать для переселенцев надлежащие условия для проживания и выдать дополнительно каждой семье материальную помощь в размере 50-ти руб. [19, д.101, л.102]. Однако, укрепить колхозы БССР за счет немецких переселенцев так и не удалось.

На станцию Минск прибывали все новые мобилизованные группы переселенцев из Поволжья и было принято решение расселять их в пригороде города и направлять для работы на фабрики и промышленные предприятия.

Таким образом, в 30-х годах в результате переселения из АРНП большой группы немецких крестьян, численность немецкой национальной группы в БССР составила около 25 тыс. человек [20].

Литература:

1. Rudolf, A. Mark Die Deutsche Minderheit in Weissrussland – eine historische Skizze // Deutsche Jfuolen. Vierteljahreshefte. 34. Jahrgang 1997.
2. Benjamin Pinkus/Ingeborg Fleischhauer Die Deufchen in der Sowjunion. Baden-Baden. 1987.
3. История российских немцев в документах: МИГУП, 1993.
4. Мариан, Ливиу. Немецкие колонисты из Бессарабии. Исторические, политические и этнографические размышления / Ливиу Марианн. – Бухарест, 1920.
5. Пассат, В. И. Эвакуация немецких колонистов с территории Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году/ В.И. Пасат // Отечественная история. – 1992. – № 2.
6. Тугай, В. Немецкий этнос в Беларуси (вторая половина 19-го –30-е годы 20-го в.)/ В. Тугай // История: проблемы выкладання. – 1988. – № 5
7. Губинский, П. П. Труды этнографической экспедиции в западно-русский край. Юго-западный отдел Т. 7. – СПб., 1872.
8. Петров, Н. И. Бессарабия: Историческое описание. СПб., 1892.
9. НА РБ. Ф. 4. – оп. 21. – д. 249.

10. Кабузан, В. М. Немецкое население в России в 18-м — начале 20 вв. / В. М. Кабузан // Вопросы истории. — 1989. — №12
11. Rudolf A. Mark. Die Deutsche Minderheit in Weissrusland. — Eine historische Skizze. // Deutsche Studien. 34. Jahrgang 1997.
12. НА РБ, ф. 4. — оп. 21. — д. 250
13. Ігар Каращанка, Аляксандр Майснер. Немцы. // Эцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. с. 320.
14. 3 гісторыі раёна // Прыпяцкая праўда. — 1993. — 27 лістапада.
15. ФГА г. Мозыря, ф. 60, оп. 1, д. 26, с. 22.
16. Прыпяцкая праўда. — 1993. — 23 лістапада.
17. НА РБ, ф. 701, оп. 1, д. 33, л. 18.
18. Прыпяцкая праўда. — 1993. — 30 лістапада.
19. НА РБ, ф. 4, оп. 8, д. 28, л. 857.
20. Подсчитано автором по: НА РБ, ф. 701, оп. 1, ф. 4, оп. 8; Rudolf A. Mark Die Deutsche Minderheit in Weissrusland. — Eine historische Skizze. // Deutsche Studien. 34. Jahrgang, 1997; Benjamin Pinkus/Ingeborg Fleischhauer Die Deutschen in der Sowjunion. Baden-Baden, 1987.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-МОНАШЕСКИХ ОРДЕНОВ В ЭПОХУ РЕКОНКИСТЫ

В. В. Квачёнок
БГПУ (Минск)

Основание первых военно-монашеских орденов в странах Пиренейского полуострова относится к середине XII века. В этот период существовало несколько независимых христианских государств королевство Леон (бывшая Астурия — родоначальник Реконкисты), королевство Кастилия в центральной Испании, Арагонское королевство, находящееся в унии с Каталонским графством. Такая обстановка наложила свой отпечаток и на формирование военно-монашеских братств, которые, в отличие от основных европейских орденов, изначально носили сугубо национальный характер.

В учреждении духовно-рыцарских союзов, начиная с 1145 г., отметились почти все пиренейские государства, кроме Наварры, где оформилось не менее семи рыцарских орденов [1, с. 144]. При этом, здесь же активно действовали также тамплиеры и госпитальеры, что привело к возникновению в третьей четверти XII ст. нескольких собственных военно-монашеских орденов, которые изначально были военными организациями, основанными по примеру орденов тамплиеров и госпитальеров [2, 195]. В Кастилии в 1158 г. был основан орден Калатравы, а в Леонском королевстве в 1170 г. — орден Сантьяго-де-Компостела. Около 1173 г. возник орден Монтегаудио, владения которого находились главным образом в Арагонском королевстве, а к 1176 в Португалии появилась организация, впоследствии ставшая орденом Авиш, а в Леонском королевстве был создан орден Сан-Хулиан-де-Перейро, предшественник ордена Алькантары. В 1170-1300 годах появились ордена Сан-Хорхе-де-Альфама и Санта-Мария-де-Эспанья [3, с. 390-392].

В частности, духовно-рыцарский орден Калатравы был основан в 1158 г. монахом Раймондом де Фетеро. Папа Римский Александр III в 1164 г. утвердил устав ордена, получивший своё название от завоёванной у арабов крепости Калатрава. Именно эта крепость в 1147 г. была взята войсками Альфонса VII при поддержке тамплиеров, которые и остались её защищать. Позже Санчо III Кастильский обещал крепость Калатраву тому, кто окажется в состоянии защитить её. Два монаха, дон Раймонд и Диего Веласкес, взяли на себя эту задачу и основали для защиты крепости орден Калатравы. В 1195 г. крепость была взята мусульманами, которые владели ею до 1212 г. Орден Калатравы постепенно усиливал экономическое могущество, что проявилось во владении 350 населёнными пунктами, в которых проживало 200000 жителей. Отличительным знаком членов ордена стала белая и черная одежда с красным крестом. Нескорько позже красный крест был заменен на голубой крест в форме лилии. Имея военную и финансовую независимость, орден играл в стране крупную политическую роль. Он вмешивался в вопросы замещения престола (феодалные смуты при Альфонсе X, Педро Жестоком, Хуане II, в начале правления Изабеллы). Также в самом ордене в период с XIV по XV век происходит внутренняя борьба за должность магистра. Последующая победа абсолютизма в Испании привела к подчинению ордена: в 1489 г. с согласия папы Римского королю Фердинанду V было разрешено стать великим магистром ордена. Подобно госпитальерам и тамплиерам, орден Калатравы сосредоточил в своих руках огромные богатства и владел обширными землями, однако не имел той же независимости. Звание гроссмейстеров ордена, начиная со времен Фердинанда и Изабеллы, всегда носили испанские короли. Со временем членство в ордене стало служить подтверждением знатности рода. Позже орден прекратил существование в 1873 г. [4, с. 23-24].

Образовавшийся в 1170 году орден Сантьяго-де-Компостелы совмещал и чисто монашеские обязанности (сопровождение и устройство на ночь паломников), и — в меньшей степени — военные, связанные с охраной паломников и собственных владений. Тем не менее, существенная часть членов

ордена изначально имела право на законный брак, подтверждённый папой. Благодаря этой вольности, орден быстро рос, вскоре превзойдя в численности старшие ордена Калатравы и Алькантара (они освободились от celibата только в конце Средневековья); в период расцвета, владения ордена Сантьяго превосходили вместе взятые владения упомянутых орденов. Только в Испании орден владел 83 командорствами, двумя городами, 178 деревнями, пятью монастырями. Орден мог выставить в поле 400 рыцарей и тысячу пехотинцев. Орден Сантьяго, наравне с другими испанскими и португальскими орденами, принимал участие в войнах с мусульманами и крестовых походах. Морские походы ордена, требовавшие гребцов на галеры, породили своеобразный обычай, просуществовавший до XVIII века: кандидаты в рыцари должны были отслужить полгода гребцами; большинство, однако, предпочтало откупаться от этой повинности. Орденном управлял магистр, которому помогал Совет Тринадцати, имевший право низложить магистра в исключительных обстоятельствах. В 1160-1499 г. сменилось 40 магистров (среди них принцы Кастильского дома), причём весь XV век прошёл в борьбе королевских домов Арагона и Кастилии за влияние на орден. В 1499 г. Фердинанд Католик, договорившись с папой, возложил руководство орденом на себя, а в 1522 г. три больших военных ордена официально перешли под управление короля Кастилии (или даже королевы, если бы на престол взошла женщина). Карл V Габсбург учредил особое министерство для управления делами орденов. Стоит отметить, что орден Сантьяго, в отличие от расформированного в XIX веке ордена Калатравы, действует и в наши дни. В 1931 г. в нём насчитывалось 30 рыцарей (в том числе наследник престола и члены королевской семьи) и 35 послушников. В 2008 года главным командором ордена является наследник испанской короны Фелипе, принц Астурийский, вступивший в орден в 1986 г.

Однако, несмотря на поддержку королей, не все испанские военно-монашеские ордена процветали. Орден Монтегаудио в 1188 г. был вынужден объединиться с орденом госпитали Святого Иеронима в Теруэле, а в 1196 г. они влились в орден тамплиеров. Некоторые из братьев не смирились с этим союзом и обосновались в Монфрагуэ на реке Тахо в Кастилии; позднее эта группа вошла в орден Калатравы. Эти перемены были обусловлены внутренними трудностями ордена Монтегаудио и группы в Монфрагуэ. Объединение же ордена Санта-Мария-де-Эспанья с орденом Сантьяго-де-Компостела произошло после того, как последний понёс огромные потери в сражении при Моклине в 1280 г. Время от времени выдвигались предложения о распространении действий военно-монашеских орденов на территории Северной Африки, Святой Земли и даже прибалтийских стран, но ни один из этих планов не был осуществлён [4, с. 5].

Важной особенностью всех пиренейских духовно-рыцарских орденов была их значительная зависимость от светских властей. Они не обладали правами экстерриториальности, не имели полномочий апеллировать к Святому престолу без разрешения национальных церквей. Ордена были лишены и права военной инициативы — все боевые действия велись ими только по приказу соответствующего короля. Согласно тому же принципу, они не могли вступать в переговоры с врагами и заключать с ними соглашения. Однако слабость рыцарских религиозных союзов тоже не стоит преувеличивать. Огромные пожертвования, большие финансовые льготы и значительная до середины XIII в. военная добыча превратили испанские и португальские ордена в крупнейших собственников. Накопленные богатства позволяли им проводить достаточно независимую политику, вмешиваться во внутригосударственные дела и даже выступать в роли арбитров на международном уровне [5, с. 66]. Очень частыми были случаи, когда то или иное братство возглавлял член королевской семьи. Особенно отличался таким взаимопроникновением государственных и религиозных структур португальский орден Авиш. Один из его великих магистров в XIV в. стал португальским королем, больше того, сама эта династия, правившая до 1580 г., получила название Авишской. Крупнейшим сановником другого военно-монашеского объединения — ордена Христа — был знаменитый португальский принц Генрих Мореплаватель.

Зависимость от государственной власти оказывала сильное влияние на внешнюю деятельность орденов, но в очень малой степени затрагивала их внутреннюю жизнь. Уставы всех братств были, по существу, основаны на тамплиерских или госпитальерских статутах и отличались лишь некоторыми нюансами. Например, орден Калатравы разрешал братьям охотиться в целях пропитания, в нём же, единственным из всех, был установлен испытательный срок для вступающих. Орден Сантьяго стоял несколько особняком, поскольку его устав разрешал принимать в братство женатых мужчин. Вероятно, именно это послабление и сделало Сантьяго крупнейшим из испанских орденов — по числу членов он превосходил остальных в несколько раз.

Рассматривая историю военно-монашеских орденов, стоит отметить, что с самого начала они были военными организациями, основанными по примеру орденов тамплиеров и госпитальеров. Но при попытке объяснить появление этих организаций необходимо принимать во внимание как надежды и планы их основателей и первых членов, так и настроения испанских королей, покровительствовавших этим орденам. Христианские правители Испании, безусловно, наделись таким образом заручиться основательной военной поддержкой. Альфонс X Кастильский всячески